

Максим Осипов

Черно-белая Россия

Вчера, в первый день весны, в Москве на Борисовском кладбище похоронили Алексея Навального. А через две недели в России пройдут выборы, результат которых известен: убийца Навального будет переутвержден ее президентом. Неисчислимы бедствия, вызванные им, — прежде всего для украинского народа, но также и собственного. Он убил и покалечил уже сотни тысяч человек, растлил миллионы, и не только в нашей стране — во всем мире. *Putin is my nigga, America is shit!* — прокричал недавно один молодой европеец, когда увидел мой российский паспорт, — какому, при каких обстоятельствах он подвергся воздействию?

Начатая диктатором война и политические репрессии сделали свое злое дело: из всего множества слоев населения, культур, из всего многообразия России осталось лишь две: та, что равнодушным молчанием, а то и громкими криками поддерживает режим, и другая, гонимая, которая режиму противостоит. Страна сделалась черно-белой и останется таковой до окончания войны и тирании, то есть — пока жив он, человек с пустыми глазами, нехорошим смехом и мертвой душой. За четверть века правления страной он на наших глазах — и при нашем попустительстве — превратился в сгусток нерефлексирующего зла, словно принялся выполнять замысел дьявола — уничтожить мир и себя, как убивает себя раковая опухоль, уничтожая хозяйина. Но — хватит о нем, об антигерое, вспомним — и будем помнить всегда — героя настоящего, Алексея Навального.

В своей недлинной (47 лет) жизни Навальный совершил множество разнообразных дел. Однажды и мне довелось принять в них участие, весьма скромное, — когда в 2013 году его вдруг допустили к выборам мэра Москвы в качестве кандидата: мы тогда встретились и проговорили часа полтора о проблемах здравоохранения и не только о них. Помню, что опасался увидеть юного Ельцина, ясно сознающего свою избранность, — такого, от которого легко ожидать похлопывания по плечу, — а встретил молодого человека, который хочет и готов учиться. Ни в один из моментов не было ощущения, что ему нельзя возразить, нельзя сказать “нет”. О делах и поступках Навального, обо всей его жизни напишут другие — те, кто знал его хорошо. Но — “жизнь кончилась, и начинается житие” — и в центре этого жития находится главный подвиг Навального: добровольное возвращение в Россию после чудесного исцеления в Германии.

Несколько месяцев назад один известный гуманитарий, профессор, автор множества книг, публично высказался в том духе, что все мы, мол, совершаем ошибки, совершил ошибку и Алексей Навальный, добровольно отдавший себя в руки своих гонителей-отравителей. И голос его, сказал гуманитарий, теперь не слышен, а ведь мог бы остаться на Западе, организовать газету или университет. Я попробовал возразить (если чей-то голос и слышен, то именно его, Навального!), но, как оказалось, гуманитарий и крестную смерть Спасителя считает ошибкой (тоже мог бы, вероятно, что-нибудь

основать, например больницу). Не помог и школьный, хрестоматийный Некрасов:

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой...

Что же, чужая лихость одних веселит, будоражит, других — раздражает, злит. Преодолеть обывательскую реакцию на чужой подвиг непросто, чаще всего невозможно. — Ах, зачем он не остался на Западе? — А зачем Мария Колесникова порвала свой паспорт? А зачем Мандельштам сочинил антисталинские стихи? Глуп был и горяч, не иначе, не то что мы.

Имея это в виду, я весной 2021 года написал заметку, посвященную той же теме — возвращению Навального. Было много опасений за него, но оставалась надежда. Заметка моя называлась “Молодец, держись...”

Когда 13 января 2021 года стало известно о намерении Алексея Навального вернуться в Москву, я вспомнил, как однажды был в цирке, где среди прочих выступали канатоходцы. Высоко-высоко по почти невидимому канату шел мальчик-подросток. Оркестр молчал, и публика тоже. От страха за юного канатоходца у меня самого закружилась голова. И тут в полной тишине раздался детский голос: “Мальчик молодец! Держись, мальчик!”. То же чувство головокружения и желание крикнуть, как тот ребенок, вызвала новость о возвращении Алексея Навального в Москву.

В те январские дни любование Навальным, столь недавно чудесным образом исцелившимся, перевешивало в нас чувство страха. Этот знает что делает — так казалось. Его сравнивали то с Наполеоном на Аркольском мосту, то с Иваном, героем русских сказок, то даже с пушкинским Самозванцем (Хранит его конечно провиденье; / И мы, друзья, не станем унывать) — словом, с человеком избранным, наделенным чувством судьбы. Это ощущение еще усилилось, когда по прилете в Шереметьево Навальный безошибочно выбрал место для интервью — на фоне изображения башен и куполов московского Кремля — последнего своего интервью на свободе.

Рассматривая фотографии Алексея Навального и его жены Юлии, мы думали вот о чем: а ну как у нас есть шанс увидеть эту красивую молодую пару на вершине политической власти? Сделали же мы своим символом, знаменем Пушкина — веселого гения в стране, где с избытком водились гении, но куда более сумеречные. Тираны (не только российские) — люди, как правило, некрасивые, низкорослые, с отечными, нездоровыми лицами, маленькими заплывшими глазками, лишённые радостей семейной жизни. Каким контрастом смотрелись на их фоне Алексей с Юлией!

Легкость, остроумие Навального, его способность к экспромту — качества, которые ярче всего проявились в знаменитом его разговоре с незадачливым химиком-отравителем, услышанном миллионами пользователей Интернета. Многие еще помнят прилет немца Матиаса Руста на Красную площадь вечером 28 мая 1987 года. После разговора Навального с химиком возникло то же чувство, что и тридцать три года назад: жизнь будет иной, границы неизбежно рухнут,

форточка распахнулась и не захлопнется. Всесильные, страшные Органы были выставлены в смешном и нелепом свете, артисты огромного мужского обаяния — так казалось — уже не станут изображать разведчиков в кино, да и те прыщавые мальчишки, что собираются поступать в училища ФСБ, тоже, возможно, задумаются, стоит ли это делать.

— Почему вы не показываете судью, она — что там у вас, голая? — спрашивает Навальный уже в суде: каково должно быть присутствие духа, чтобы шутить таким образом в имеющихся обстоятельствах. Наконец, последний его возглас: «Россия будет счастливой!» — веселое слово вместо куда более мрачных, хотя и верных лозунгов прежних лет.

Героизм как дар, как гениальность, которую невозможно сыграть, симитировать, — вот, что вызывает у части людей восхищение, у другой же их части (особенно мужской) — зависть. Политическому дару, как, например, музыкальному или поэтическому, завидовать странно, героизму же личному — естественно, хотя и позорно. Люди, в том числе номинально принадлежащие к оппозиции, но оказавшиеся не в состоянии разглядеть у себя этой самой зависти и справиться с нею, сочиняют манифесты, выражают несогласие со взглядами Навального, хотя дело давно уже не во взглядах. «Я выхожу!» — так писали в социальных сетях после судов над Навальным смелые молодые люди и выходили на улицы своих городов, — единственная здоровая реакция на события, хоть и чреватая крупными неприятностями.

Скоро, однако, веселье закончилось, сменилось глубоким унынием, отчаянием. Навальный в тюрьме, его пытаются лишением сна, отказом от медицинской помощи. Каждый день приносит известия одно мрачнее другого. Политический мир оскудел, стало бессмысленно рассуждать в терминах правый — левый, парламентская республика — президентская, национальное государство — империя. Жизнь против нежити, свет против мглы — вот вам и весь конфликт. Общество погрузилось в состояние моральной катастрофы, бессилия, особенно выраженного опять-таки у мужчин. От катастрофы этой не спасут ни уход в работу или частную жизнь, ни эмиграция. Да, есть небольшой дружеский круг, есть фейсбук, заменивший нам общественные институты и создающий иллюзию, что мы — среди своих, но стоит приглядеться внимательней и видишь, как мельчает наша российская жизнь. То один, то другой решает уехать: разве это поможет Навальному и сотням (если не тысячам) других политзаключенных? — “Нет, ведь даже уехав, отодвинувшись от трагедии, не перестанешь следить за ней”. — “Но что-то же надо делать...” — “Ладно, жили мы как-то в Советском Союзе...” — “Оставьте, причем тут Советский Союз. Если уж с чем-нибудь сравнивать, то с Германией середины тридцатых”, — в таких разговорах и проходит эта самая жизнь.

Хотелось закончить на ноте, пусть не оптимистической, но примиряющей, да только откуда ее возьмешь? Остается пока что повторять то самое, с чего начал, но тихо, шепотом: молодец, держись... А вдруг у него и правда получится?

И вот, глядя — увы, издалека — на собравшихся на похороны Алексея людей (кто-то говорит, что пришло двадцать тысяч, а кто-то — что пятьдесят), я думаю: а ведь парадоксальным образом — у него получилось! Получилось не то, чего хотели мы, и не то, чего, вероятно, хотел он сам, но нечто другое и в чем-то большее. Ведь и Гамлет пришел не покарать зло, а восстановить связь времен. “И гибну, принц, в родном краю / Клинком отравленным

заколот”: вчера, на похоронах, мы ясно увидели не только Россию отравителя Клавдия — того, кто связь времен нарушил, но и Россию принца Гамлета, который ее восстановил. “Россия будет свободной”, “Россия будет счастливой” — многолюдное прощание с подлинным, не мнимым, не вымышленным героем России вселяет в нас веру, пускай еще слабую, робкую. По свидетельству преодолевших страх — тех, кто там был, — сквозь ужас происходящего повеяло какой-то надеждой, весной.

А выборы — стоит ли говорить о них? “Навальный наш президент!”, — кричали вчера молодые люди из толпы. Если придется когда-нибудь голосовать на российских выборах, — то за этих вот молодых людей.

2 марта 2024 г.